

**Южная часть Тихого океана в Инициативе «Пояс и путь»:
аспекты безопасности**

Канаев Евгений Александрович

доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ, Россия, Москва,
ekanaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

Аннотация: В статье проводится анализ реализации Китаем своей мега-стратегии Инициатива пояса и пути (ИПП) в южной части Тихого океана (ЮТО). Определены основные процессы, формирующие параметры его безопасности, рассмотрены и систематизированы мероприятия КНР в контексте реализации ИПП в ЮТО, определены основные факторы уязвимости китайской политики. С точки зрения автора, акцентируя значимость КНР по укреплению нетрадиционной безопасности в ЮТО, Поднебесная может оказаться заложником такого подхода без своевременных и комплексных мероприятий по противодействию пандемии COVID-19, интегрировав их с ИПП.

Ключевые слова: Южная часть Тихого океана, КНР, Инициатива пояса и пути, Австралия, Новая Зеландия, малые страны ЮТО, безопасность, сотрудничество, COVID-19

**South Pacific in the Belt and Road Initiative:
Security Aspects**

Evgeny A. Kanaev

Doctor of Historical Science, Professor, NRU HSE, Russia, Moscow,
ekanaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

Abstract: The article analyses the implementation of China's mega-strategy the Belt and Road Initiative (BRI) in the South Pacific. The key parameters shaping the security milieu of this subregion are outlined, China's measures in the context of the BRI realization are revealed and systemized, the key BRI vulnerability factors in the South Pacific are distinguished. In the author's view, stressing its significance as the non-traditional security provider to the South Pacific states, without timely and comprehensive measures to cope with the COVID-19 pandemics as part of its BRI strategy China may become a hostage of this approach.

Keywords: South Pacific, PRC, Belt and Road Initiative, Australia, New Zealand, Pacific Island Countries, security, cooperation, COVID-19.

Южная часть Тихого океана (ЮТО) является одним из направлений китайской мега-стратегии Инициатива пояса и пути (ИПП). Сам факт ее реализации в ЮТО свидетельствует о росте глобальной составляющей в амбициях Поднебесной и готовности подкрепить эти планы практикой конкретных дел.

Однако ЮТО является для КНР непростым субрегионом с точки зрения реализации ИПП. Он расположен далеко от границ КНР, параметры безопасности в нем в значительной степени определяет Австралия – военно-политический союзник США. У Китая, напротив, в ЮТО нет ни союзников, ни долгосрочных исторических связей.

Вместе с тем, грамотная реализация ИПП именно в ЮТО позволит Поднебесной приобрести долгосрочные, стратегические по своему характеру выгоды применительно не только к своим позициям в ЮТО, но и на тихоокеанском и индоокеанском пространствах с точки зрения новых возможностей определять повестку субрегиональной безопасности. Актуальная задача – уточнить степень готовности Поднебесной к реализации такого сценария.

ЮТО в современной мировой политике

Констатируя, что пространство южной части Тихого океана, ранее бывшее на задворках мировых процессов, повышает свою значимость в приоритетах Китая и США как ключевых игроков геополитики и геоэкономики XXI века, определим ключевые параметры этого субрегиона.

Во-первых, для ЮТО исключительно важна экологическая повестка сотрудничества. Через значительную часть ЮТО проходит т.н. «тихоокеанское вулканическое огненное кольцо», в результате чего различные природные катаклизмы, наподобие землетрясений, цунами и им подобных – скорее правило, чем исключение. Соответственно, вопросы изменения климата и ликвидация последствий природных катастроф – важный приоритет для государств южной части Тихого океана, особенно малых стран. Повышение уровня моря и изменение графика выпадения осадков способно привести к затоплению значительной части малых островов ЮТО, а загрязнение окружающей среды скажется на путях миграции промысловых рыб. Тем самым будет подорвана сама основа функционирования экономик малых стран ЮТО.

Проблема усугубляется т.н. «незаконным, несообщаемым и нерегулируемым промыслом рыбы» (*Illegal, Unregulated and Unre-*

ported (IUU) Fishing) в Исключительных экономических зонах государств ЮТО. По имеющимся оценкам, их ежегодные потери превышают сумму 616 млн долл. (из чего ущерб малых государств ЮТО составляет 152 млн долл.)¹. Последнее необходимо рассматривать в контексте уязвимости малых стран ЮТО от природных катастроф и слабой диверсифицированности их экономик.

Экологическое измерение пространства южной части Тихого океана включает и фактор Антарктиды. По мере ухудшения мировой экологической ситуации рост интереса глобальных игроков к ресурсам Антарктиды – вопрос времени. Хотя США и Китай ограничиваются научными исследованиями Антарктики, создание плацдарма для будущей экономической деятельности для них весьма своевременно. О том, что постановка крупными державами вопроса об изменении международно-правовой базы освоения ресурсов Антарктиды может произойти без излишних саморефлексий, свидетельствуют события весны 2020 г., когда США заявили о своем праве коммерческого освоения ресурсов Луны и других небесных тел².

Австралия и Новая Зеландия являются экспортерами продовольственных товаров и сельскохозяйственной продукции. В частности, первые пять позиций новозеландского экспорта составляют сгущенное молоко (14%), баранина и козлятина (6.3%), сливочное масло (6.2%), замороженная говядина (4.8%) и сыр (3.8%)³. Участвуя в азиатско-тихоокеанских проектах экономического регионализма, будь то ВПТТП или переговоры о формировании ВРЭП, Канберра и Веллингтон рассчитывают расширить доступ своей продукции на внешние рынки. Залогом успеха является соответствие австралийской и новозеландской продукции высоким экологическим стандартам, а следовательно – сохранение экологических условий ее производства.

Данное обстоятельство необходимо рассматривать в контексте нарастания угрозы продовольственной безопасности (*food security*) и безопасности продуктов питания (*food safety*) в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Рост населения многих стран АТР и изменение их потребительских привычек, в частности, увеличение потребления молочных и мясных продуктов, происходит на фоне сокращения пахотных земель, снижения фертильности почв, нарастания экологических проблем. Соответственно, сельскохозяйственный потенциал Австралии и Новой Зеландии важен не только для этих стран, но и для АТР в целом.

Во-вторых, повестка сотрудничества на пространстве южной части Тихого океана все более политизированной. Речь идет, прежде всего, о реализации проекта Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Участники проекта – а это США, Япония, Индия и Австралия – не скрывают его основной миссии: сдерживать Китай на морских пространствах Тихого и Индийского океанов. Для этой цели создан и функционирует т.н. Четырехсторонний оборонный формат (ЧОФ) в составе тех же государств, к которым в перспективе могут присоединиться другие, например – Вьетнам. У ИТР и ЧОФ остается достаточно проблем, связанных с уточнением его содержательной, институциональной и нормативной повесток. Однако южная часть Тихого океана все более зримо становится тем пространством, где – если проект ИТР получит дальнейшее развитие – будет разворачиваться геополитическое противоборство участников ИТР и КНР, активизирующей свою политику в отношении государств ЮТО.

Примечательно, что к индо-тихоокеанской повестке стала все чаще обращаться Новая Зеландия. Как будет рассмотрено ниже, эта страна является центральным направлением ИПП, и у Веллингтона, в отличие от Канберры, нет ни сильного крена в сторону Вашингтона, ни острого неприятия политики Пекина в Южно-Китайском море. Тем не менее, с августа 2019 г. термин «Индо-Тихоокеанский регион» все чаще звучит из уст новозеландских политиков высшего ранга⁴. Фиксируя этот момент, отметим, что хотя исчерпывающие выводы на данном этапе едва ли уместны, сам по себе он добавляет конфронтации в отношения между ключевыми игроками ЮТО.

Активизируется политика Индии в южной части Тихого океана. Нью-Дели развивает отношения как с Австралией в Четырехстороннем оборонном формате, так и с малыми странами ЮТО. Направлениями индийской политики «действовать на Востоке» при администрации Н.Моди стали не только США и ЮВА, но и ЮТО, а инструментами – выстраивание диалоговых институтов. В 2014 г. произошло создание Форума сотрудничества Индии и государств Тихого океана (*Forum for India-Pacific Islands Cooperation*). И хотя в настоящее время Индия не планирует активизировать военные связи с малыми странами ЮТО, по мере реализации проекта Индо-Тихоокеанский регион и активизации деятельности ЧОФ политизация международной среды в ЮТО будет возрастать.

В-третьих, многостороннее сотрудничество государств ЮТО – яркий пример, во-первых, регионализма без регионализации и, во-вторых, т.н. «несбалансированного регионализма». В первом

случае достаточно упомянуть, что это сотрудничество традиционно развивалось без «вектора снизу» в виде производственно-сбытовых и товаропроводящих цепочек. О них не может идти речи, учитывая небольшое население этих стран, обширные расстояния между малыми странами ЮТО, а также низкий уровень развития многих из них. Четыре участника Форума островных государств Тихого океана – Кирибати, Соломоновы острова, Тувалу и Вануату – входят в когорту т.н. «Наименее развитых стран» по классификации ООН. Во втором – очевиден перекосяк в экономическом сотрудничестве в пользу интересов Австралии и Новой Зеландии, что демонстрирует пример т.н. «Тихоокеанского соглашения о более тесных экономических отношениях плюс» (*the Pacific Agreement on Closer Economic Relations Plus – PACER Plus*, здесь и далее – ПАСЕР плюс).

ПАСЕР плюс представляет собой соглашение между двумя относительно развитыми экономиками – Австралией и Новой Зеландией – и малыми странами ЮТО (Папуа-Новая Гвинея и Фиджи не подписали соглашение). Этим странам объективно невозможно достичь того эффекта масштаба, который необходим для выстраивания более или менее сбалансированного сотрудничества. При этом Австралия и Новая Зеландия не устранили тарифные и нетарифные ограничения на некоторые виды продукции из малых стран ЮТО, прежде всего, на тропические фрукты. Не решен вопрос с миграцией рабочей силы, в частности, сезонных рабочих из малых стран в Австралию и Новую Зеландию⁵. Все это свидетельствует о перспективе еще большего «сползания» малых государств ЮТО в орбиту экономического влияния более крупных соседей по субрегиону.

Особняком стоит Папуа-Новая Гвинея, которая представляет собой пестрый конгломерат из более чем тысячи племен, говорящих на восьмистах языках⁶. В планах нынешнего руководства ПНГ – превратить страну в «самую богатую темнокожую христианскую нацию на планете» (христиане-католики составляют порядка 70% населения страны). Наблюдаемый в ПНГ бум на добычу природного газа изменило менталитет ее властей, которые сейчас видят ПНГ естественным лидером малых стран ЮТО. Вместе с тем, диверсификация экономических связей ПНГ проходит не гладко, а ее председательство в АТЭС запомнилось, прежде всего, отсутствием итоговой декларации глав государств и правительств, а не готовностью страны заявить о себе в новом качестве. Испытывая потребность в развитии инфраструктуры, руководство ПНГ не питает ил-

люзий: займы МВФ или Всемирного Банка будут сопряжены с рядом невыгодных условий. Соответственно, позиционируя себя как кладезь газовых ресурсов и стремясь привлечь иностранные инвестиции в инфраструктурное строительство, ПНГ ищет альтернативы сотрудничеству с международными организациями.

Рассмотренные выше факторы задают параметры развития южной части Тихого океана и учитываются внешними игроками при выстраивании сотрудничества с расположенными там государствами. Не является исключением и Китай, чья мега-стратегия «Пояс и путь» распространяется на этот субрегион.

ЮТО как часть Морского шелкового пути XXI века

Реализация мега-стратегии КНР Инициатива пояса и пути (ИПП) в южной части Тихого океана отражает общий подход руководства Поднебесной к ИПП, как в экономическом, так и в политико-стратегическом отношении. Китай вкладывается, главным образом, в инфраструктурное строительство, т.е. долгосрочные проекты, способные выступать одним из ключевых факторов устойчивого экономического роста. При этом Поднебесная стремится избегать увязки своих инвестиций с политически чувствительными вопросами, в частности, связанными с соблюдением прав человека в странах-реципиентах. Проводя такую политику, Китай интегрирует категории «безопасность» и «развитие», позиционируя себя как основного игрока, способного расширить возможности развития, а следовательно – укрепления безопасности, стран-партнеров. Тем самым формируются предпосылки для включения этих государств в китаецентричную систему «общей безопасности», выстраиваемую Поднебесной на основе ИПП. Таким образом, Китай делает акцент на противодействии именно нетрадиционным угрозам безопасности – бедности, вызванной ею социальной нестабильности и им подобным.

В контексте такого целеполагания анализ политики Китая в отношении государств южной части Тихого океана целесообразно начать с рассмотрения малых государств – именно в силу их стратегической значимости для Поднебесной. Из факторов, обусловивших интерес Китая к южной части Тихого океана, наиболее важные таковы.

Во-первых, это экономические соображения. Папуа-Новая Гвинея, куда устремились взоры китайских компаний, богата при-

родным газом. Частный пример такого интереса, иллюстрирующий общую картину, дает компания CNOOC International, владеющая 70% компаний PNG Energy Limited и разрабатывающая три газовых месторождения⁷. С недавних пор Китая проявляет стремление участвовать в управлении Антарктикой: это выгодно как в экономическом отношении с учетом больших запасы пресной и экологически чистой воды, так и с репутационной точки зрения.

Во-вторых, это военно-стратегические соображения. Поставив перед собой задачу стать доминирующей державой военно-морской державой в рамках первой и второй цепи островов, Поднебесная уже в начале 2010-х гг. не могла не задумываться о том, чтобы добиться того же в рамках третьей цепи, проходящей через страны ЮТО.

В-третьих, это репутационные соображения. Четыре малых государства ЮТО, а это Маршалловы острова, Науру, Палау и Тувалу, признают Тайвань, а не КНР⁸. Расширяя свое присутствие в ЮТО, Китай использует широкий арсенал политико-дипломатических и экономических средств, подталкивая эти государства к отказу от признания Тайваня.

Осознавая стратегическую значимость этих задач, Китай привлекает малые страны ЮТО присоединиться к ИПП. Основное средство достижения поставленной цели – строительство Поднебесной инфраструктурных объектов в этих странах. Примерами служат гавань Луганвилль на Вануату, которая является самой протяженной в ЮТО и способна принимать круизные лайнеры и грузовые суда, и международный аэропорт Фалеоло на Самоа с потенциалом пассажиропотока 600 тысяч человек. Отметим и Тихоокеанскую морскую промышленную зоны в Папуа-Новой Гвинее: хотя строительство еще не доведено до конца, есть веские основания считать ее потенциально одним из ключевых факторов развития рыбного хозяйства этой страны. Все это нацелено на оказание положительного демонстрационного эффекта, подчеркивающего выгоды сотрудничества с Поднебесной.

Важным направлением политики Китая в ЮТО остается Новая Зеландия, которая еще до объявления Китаем стратегии ИПП активно сотрудничала с Поднебесной. Новая Зеландия первой из развитых государств поддержала вступление Китая в ВТО (1997), признала Китай рыночной экономикой (2004), начала переговоры с Китаем о двусторонней ЗСТ (2004) и, наконец, стала первой страной «коллективного Запада», которая закончила эти переговоры. В

свете этого заключение Соглашения о стратегическом партнерстве между Новой Зеландией и Китаем, состоявшееся в 2014 г., является закономерным.

Присоединение Новой Зеландии к ИПП произошло в марте 2017 г. после подписания Пекином и Веллингтоном Меморандума о намерениях наращивать сотрудничество в реализации китайской инициативы «Пояс и путь»⁹. В этом прослеживается ряд важных, стратегических по своему характеру целей Поднебесной.

Во-первых, Китай может заручиться репутационной поддержкой Новой Зеландии в продвижении такого важного аспекта сотрудничества, как продовольственная безопасность (*food security*) и безопасность продуктов питания (*food safety*). Новая Зеландия – признанный лидер продовольственного рынка, в том числе с точки зрения качества поставляемых товаров. Даже если китайские продовольственные товары не будут в полной мере соответствовать новозеландским стандартам по всем критериям качества, позиционирование такого сотрудничества, особенно при экспорте китайской сельскохозяйственной продукции в другие страны, ценно само по себе.

Во-вторых, Новая Зеландия может оказаться полезным партнером с точки зрения такого направления ИПП, как «концентрация трафика» (*hubbing*). В современном мире хабы, через которые проходит трафик товаров и услуг, становятся важным фактором успеха международных проектов. В этой связи Новая Зеландия может сыграть немаловажную роль в укреплении взаимосвязанности цепочек поставок китайской продукции, причем – не обязательно продовольственной, а также в создании таких цепочек на новых направлениях.

В-третьих, и это заслуживает отдельного упоминания, Новая Зеландия является важным партнером Поднебесной в укреплении сотрудничества с государствами Южной Америки. В частности, Новая Зеландия может служить промежуточным пунктом прокладки подводного кабеля для ИКТ-сектора из Китая в Чили. По имеющимся оценкам, власти Чили проявляют интерес к этому проекту¹⁰.

Что касается Австралии, то она является самым проблемным направлением мега-стратегии ИПП – притом, что экономическая заинтересованность Австралии в сотрудничестве с Поднебесной была и остается высокой.

В этой связи достаточно упомянуть, что Китай является важным экономическим партнером Австралии: доля Поднебесной в ав-

стралийском экспорте и импорте составляет 35% и 24% соответственно¹¹. С началом функционирования ЗСТ Австралия-Китай возросли объемы австралийского экспорта вина и молочной продукции (последняя выросла на 34% в 2018 финансовом году). Рост австралийского экспорта услуг в Китай в 2017–2018 гг. составил 17,2%¹². В последнем случае уместно подчеркнуть, что австралийское образование высоко котируется в Поднебесной: в 2019 г. Австралия приняла свыше 2.5 миллионов студентов из Поднебесной¹³ (для сравнения – в России учится порядка 30 тысяч студентов из КНР)¹⁴.

Однако Австралия не присоединилась к ИПП, а австралийские официальные лица предпочитают обходить эту тему стороной. Наиболее яркий пример – тот факт, что текст Меморандума о взаимопонимании между Австралией и Китаем по вопросам сотрудничества в инвестировании в инфраструктурные проекты в третьих странах, не был размещен в открытом доступе¹⁵. В своих заявлениях австралийские политики посылают противоречивые сигналы относительно готовности Канберры присоединиться к ИПП¹⁶.

Анализируя такую двойственную позицию Канберры, можно выделить ряд факторов. Прежде всего, Австралия остается важным союзником США в системе американоцентричных альянсов на Тихом океане, формируя их южную оконечность. Нынешняя готовность Канберры сотрудничать с Вашингтоном в реализации проекта Индо-Тихоокеанский регион, в том числе развивая Четырехсторонний оборонный формат, служит тому подтверждением. Не менее важно и иное обстоятельство: ИПП косвенным образом начинает влиять на международную среду вокруг Австралии. Усиление китайского присутствия на островах Тихого океана, прежде всего, на Фиджи, может в перспективе отрезать Австралию от американских баз на Гавайях и Гуаме, а размещение Поднебесной баз ВМФ НОАК на Вануату позволит Китаю осуществлять мониторинг морских судоходных путей из Австралии в Южную Америку. Но главное – учитывая не слишком удачные результаты австралийской политики по повышению своего влияния в южной части Тихого океана (т.н. *Step-Up Policy*), Китай перехватывает там инициативу. Соответственно, присоединиться к ИПП означает для Канберры признать эту реальность и фактически согласиться выступать «вторым номером» по отношению к Китаю.

В целом, Китай целенаправленно и системно наращивает свое присутствие, прежде всего экономическое, в южной части Тихого

океана, повышая заинтересованность расположенных там стран развивать сотрудничество. При этом Поднебесная учитывает системные ошибки своих конкурентов и дистанцируется от тех направлений диалога, связанных, главным образом, с военной безопасностью, развитие которых может быть интерпретировано в нежелательном для Китая ключе. Но означает ли это, что политика Поднебесной безупречна?

Факторы уязвимости китайской политики

Констатируя, в целом, благоприятные промежуточные итоги реализации ИПП в ЮТО, нельзя не отметить и ряд факторов, затрудняющих политику КНР. Эти факторы можно разделить на экзогенные и эндогенные.

Из основных экзогенных факторов особого упоминания заслуживает политика США в ЮТО как ответ на ИПП. Вашингтон рассматривает ЮТО как часть формирующегося индо-тихоокеанского пространства, что само по себе идет наперекор китайским планам. Поощряя австралийскую политику в ЮТО (*Step-Up Policy*), США нацелены на создание широкой коалиции из Австралии, Новой Зеландии, Японии, а также Тайваня, что способствовало бы закреплению выгодных для США параметров международной среды. При этом у Китая в ЮТО нет сопоставимого количества союзников, которые могли бы действовать подобным образом в интересах Поднебесной.

Дополнительным и малоприятным следствием такой ситуации для Китая является тайваньский фактор. Осуществляя свою политику, США объективно препятствуют реализации одной из основных стратегических задач Поднебесной – объединению с Тайванем на выгодных для КНР условиях.

Вместе с тем, американская политика в ЮТО сталкивается с рядом сложностей. Достаточно упомянуть последствия «благожелательного безразличия», превалировавшего в подходе Вашингтона к субрегиону во время и после «холодной войны». В результате – те же малые страны ЮТО склонны полагать, что их ценность в американских приоритетах была и остается невысокой. Не менее важную роль играет негативное отношение стран ЮТО к политике США в отношении изменения климата – заявка США на выход из Парижского соглашения не могла остаться незамеченной в этих странах.

Наконец, та степень идеологизированности, которая сопровождала американскую политику на начальном этапе пандемии

COVID-19 – обвинения Китая и Всемирной организации здравоохранения, вкупе с нарастанием внутренних проблем в США, снижает заинтересованность в сотрудничестве с ними в государствах ЮТО.

Еще одним экзогенным фактором можно считать политику Австралии в ЮТО. Несмотря на тесные, а главное – расширяющиеся, связи с Поднебесной, Австралия остается американским союзником. Выражая обеспокоенность нынешним состоянием и перспективами развития сотрудничества между Австралией и США, австралийские аналитики предлагают трансформацию этих отношений в пользу т.н. «модели Чифли» (по образцу предложений Б. Чифли в его бытность премьер-министром Австралии с июля 1945 по декабрь 1949 г.). Суть этой трансформации такова, что Канберра должна взять на себя большую, нежели раньше, ответственность за обеспечение безопасности в южной части Тихого океана, при этом сохраняя лояльность Вашингтону. Пока США не могут определиться со своими целями в ЮТО и инструментарием их реализации, именно Австралия должна взять на себя интеллектуальное и практическое осуществление этой функции¹⁷.

Вместе с тем, на данном этапе ни американский, ни австралийский фактор не смогут сдерживать продвижение Поднебесной своих интересов в ЮТО. США – уходящий гегемон, и это осознают даже те, кто, казалось бы, должен безоговорочно поддерживать американоцентричный порядок. О степени несоответствия интересов своей страны приоритетам американской политики заявляли видные представители австралийского интеллектуального сообщества. Но главное – установка «Америка прежде всего» и дефицит американского бюджета, в 2019 финансовом году превысивший 1 трлн долл.¹⁸, не позволяют Вашингтону оказывать сколь-либо заметного влияния на экономическое развитие своих партнеров в ЮТО – именно то, что делает Китай. Что касается Австралии, то ее акцент на «хорошем управлении», развитии гражданского общества и аналогичных нарративах, далеко не всегда понятных элитам малых стран ЮТО, контрастирует с политикой Китая, придерживающегося риторики и практики невмешательства во внутренние дела партнеров.

Что касается эндогенных ограничителей китайской политики, то это, прежде всего, бытующие в субрегионе опасения о «долговой ловушке» как естественного следствия китайской щедрости. В какой мере эти спекуляции правомерны – отдельный вопрос. Глав-

ное – в другом: после получения китайских займов платить по ним в любом случае придется, а у малых стран ЮТО хронический дефицит бюджета никуда не денется. Соответственно, аналогии со шриланкийским портом Хамбантога напрашиваются сами собой.

Недостаток коммуникации Китая с государствами ЮТО и, как следствие, обратной связи создает напряженность, связанную с политикой Поднебесной в отношении вопросов экологии, а также экспорта рабочей силы. Несмотря на развитие Поднебесной такого направления ИПП, как Зеленый шелковый путь, китайские компании в своей деятельности далеко не всегда соблюдают экологические стандарты, а китайские работники зачастую конфликтуют с местным населением. И то, и другое болезненно воспринимается в странах субрегиона.

Это накладывает на неудовольствие населения малых стран ЮТО деятельностью китайских предпринимателей, фактически, контролирующей розничную торговлю в этих странах. Китайских торговцев зачастую рассматривают как нелегальных иммигрантов, которые не брезгают полулегальной деятельностью, поощряют практики кумовства при выборе между соотечественниками и местной рабочей силой в процессе найма, а также продают некачественные товары. И хотя многие из этих практик обусловлены не «китайским фактором», а неэффективностью управления и институтов делового сотрудничества, включается поведенческая модель «свои vs чужие». Поэтому неудовольствие местного населения обращено не на собственные власти, а против китайских предпринимателей.

Давая оценку пандемии COVID-19 для последствий ИПП в ЮТО, важно отметить ряд моментов. Застопорилась реализация множества проектов ИПП в целом. В их числе – строительные работы в Китайско-пакистанском экономическом коридоре, в Юго-Восточной и Южной Азии. В современных условиях вполне возможен сценарий, при котором Поднебесная пересмотрит своевременность реализации ряда проектов ИПП в пользу развития отечественного здравоохранения, а ее партнеры будут в меньшей степени готовы вкладываться в эти производства. Применительно же к южной части Тихого океана следствие пандемии будет таким, что Китай может заморозить начатые стройки, в том числе объектов социальной инфраструктуры, и оказывать адресную помощь пострадавшим от COVID-19 соотечественникам. Все это, вкупе с нападками США на КНР как источник пандемии COVID-19, может

привести к тому, что из фактора противодействия нетрадиционным угрозам безопасности Поднебесная будет восприниматься как их источник.

С другой стороны, в современных условиях КНР сталкивается с объективной необходимостью отработать механизмы решения гуманитарных проблем. Возможно, для наработки критической массы знаний и опыта по решению такой задачи страны ЮТО могли бы стать едва ли не идеальным плацдармом. В субрегионе расположен и американский союзник, с которым у Поднебесной крепнут экономические связи (Австралия), и в целом, дружественная страна, у которой есть ценные репутационные ресурсы (Новая Зеландия), и «ресурсная мини-сверхдержава» (Папуа-Новая Гвинея), и страны-карлики, имеющие геополитическую ценность (малые государства ЮТО). Выстраивая нюансированное сотрудничество с этими странами, Поднебесная получает хорошую возможность «обкатать» свое глобальное лидерство в ее своеобразной «мини-проекции».

В общем и целом, до сих пор Поднебесная без особых сложностей справлялась с внешними вызовами, связанными с политикой ее конкурентов в ЮТО. Однако ключевые аспекты ее собственной политики нуждаются, как минимум, в серьезной ревизии. От того, как эта ревизия будет проведена, будет зависеть успех ИПП в южной части Тихого океана.

Выводы

Рассмотрение особенностей реализации Китаем своей мегастратегии ИПП в южной части Тихого океана с точки зрения последствий для субрегиональной безопасности подталкивает к ряду обобщающих оценок.

Поднебесная осознавала стратегическую ценность ЮТО еще до запуска ИПП, хотя рассматривала этот субрегион достаточно «узко»: необходимости создать условия для решения тайваньской проблемы. Тем не менее, был создан задел, который сейчас можно использовать для гораздо более масштабной цели.

Нынешняя политика КНР может существенно изменить параметры безопасности в ЮТО. Не ввязываясь в противоречия, связанные с военной безопасностью расположенных там стран, Китай сконцентрировался на том, чтобы расширить возможности их развития, увязав это с реализацией ИПП. Однако пандемия COVID-19 может осложнить реализацию этих планов.

Современная международная обстановка вновь поставила вопрос о содержании самой мега-стратегии ИПП. Предлагая партнерам альтернативную модель глобализации на основе международного разделения труда под своим контролем, Поднебесная объективными обстоятельствами подталкивается к уточнению конечной цели своего проекта, равно как и выстраиваемому на его основе Сообществу общей судьбы. Ключевой момент, присутствующий в политике КНР в том числе в ЮТО, таков: в какой степени Китай будет руководствоваться интересами партнеров, если это грозит негативно отразиться на его собственных перспективных планах.

¹ FFA Puts Figure on IUU Fishing. 15 March 2016. URL: // <https://www.mnz.co.nz/international/pacific-news/299016/ffa-puts-figure-on-iuu-fishing>

² Трамп подписал указ о праве США использовать ресурсы Луны. РБК. 7 апреля 2020. URL: // <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2020/5e8bc85a9a79473565bd61a0>

³ New Zealand. The Observatory of Economic Complexity. URL: // <https://oec.world/en/profile/country/nzl/>

⁴ Scott D. (2020). New Zealand Picks Up on the Indo-Pacific. Asia-Pacific Bulletin. № 202. URL: // <https://www.eastwestcenter.org/publications/new-zealand-picks-the-indo-pacific>

⁵ Coates B. (2017) PACER Plus – How the Pacific Way Is Being Undermined. Bilaterals. 21 April. URL: // <https://www.bilaterals.org/?barry-coates-pacer-plus-how-the&lang=en>

⁶ FAO (2019) Country Gender Assessment of Agriculture and the Rural Sector in Papua New Guinea. Port Moresby. P.7. URL: // <http://www.fao.org/3/ca6308en/ca6308en.pdf>

⁷ CNOOC. Asia Pacific. Emerging as a Major Oil and Gas player in the Asia Pacific Region. URL: // <https://cnoocinternational.com/operations/asia-pacific/other-opportunities-in-asia-pacific>

⁸ O'Connor T. (2019) Which Countries Still Recognize Taiwan? Two More Nations Switch to China in Less Than a Week. Nesweek. 20 September. URL: // <https://www.newsweek.com/who-recognizes-taiwan-two-change-china-1460559>

⁹ Memorandum of Arrangement on Strengthening Cooperation on the Belt and Road Initiative between the Government of New Zealand and the Government of the People's Republic of China. URL: // <https://www.mfat.govt.nz/assets/FTAs-agreements-in-force/China-FTA/NRA-NZ-China-Cooperation-on-Belt-and-Road-Initiative.pdf>

¹⁰ Huawei Marine 'Hasn't Bid' on Chile's Trans-Pacific Cable Project. Belt and Road News. 19 July 2019. URL: // <https://www.beltandroad.news/2019/07/19/huawei-marine-hasnt-bid-on-chiles-trans-pacific-cable-project/>

¹¹ Australia. The Observatory of Economic Complexity. URL: // <https://oec.world/en/profile/country/aus/>

¹² Drysdale P. (2019) Getting the Australia–China Relationship Right. East Asia Forum. 23 May. URL: // <https://www.eastasiaforum.org/2019/05/23/getting-the-australia-china-relationship-right/>

¹³ Number of Chinese Students in Australia from 2010 to 2019, by Education Sector (in 1,000s). Statista. URL: // <https://www.statista.com/statistics/430276/number-of-chinese-students-in-australia-by-education-sector/>

¹⁴ (2019) Михаил Котюков: около 30 000 китайских студентов получают высшее образование в России. Жэньминь жибао онлайн. 6 июня. URL: // <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0606/c31519-9585241.html>

¹⁵ Wroe D. (2018) Foreign Affairs Ministry Opts for Secrecy over China Infrastructure Agreement. July 30. The Sydney Morning Herald. URL: // <https://www.smh.com.au/politics/federal/foreign-affairs-ministry-opts-for-secrecy-over-china-infrastructure-agreement-20180730-p4zufm.html>

¹⁶ (2017) Turnbull Plays Down Belt and Road Fears. SBS News. 23 October. URL: // <https://www.sbs.com.au/news/turnbull-plays-down-belt-and-road-fears> (дата обращения: 10 мая 2020); Laurenceson J., Collinson E. (2019) Australia and the Belt and Road Initiative. Australia-China Relations Institute. 25 April. URL: //

<https://www.australiachinarelations.org/content/australia-and-belt-and-road-initiative>

¹⁷ Carr A. (2020) Re-Examining the Australia–US Alliance (part 3): the Chifley Model. The Strategist. 13 March. URL: // <https://www.aspistrategist.org.au/re-examining-the-australia-us-alliance-part-3-the-chifley-model/>

¹⁸ Невельский А. (2019) Бюджетный дефицит США превысил \$1 трлн. // Ведомости. 13 сентября. URL: // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/13/811233-defitsit-ssha-1-trln>

Статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 году.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020, принята к публикации 30.05.2020.